

Ш О Э Т Ы Н А Ч А Ж А Х Х В Е Р Ь А

В библиотеке поэта, хорошо знакомой нашему читателю, подготовлен к изданию сборник «Поэты начала XX века». В него вошли наиболее значительные стихи одиннадцати поэтов, творческая деятельность которых в основном укладывается в указанный период. Это К. Вальмонт, Ф. Сологуб, И. Анненский, Вяч. Иванов, Андрей Белый, М. Волошин, Н. Кузмин, Н. Гумилев, О. Мандельштам, В. Ходасевич и Н. Кавец.

Приводим несколько стихотворений из сборника. Стихи К. Вальмонта, Вяч. Иванова и В. Ходасевича, которые мы публикуем сегодня, в советской печати появляются впервые. Стихи Ф. Сологуба и М. Кузмина публикуются вообще в первый раз. Стихотворение Н. Гумилева взято из его сборника «Чужое небо» (1912).

Константин Вальмонт

Толково

Ни радости цветистого Камра,
Где по ночам напевал муззыни, —
Ни Ява, где живет среди ручьи,
В боро-буаур, Светильник Бельгии
мира, —
Ни Бенарес, где грозового пира
Жолает Индра, маа огнистый кири
Средь гучевых лазоревых долики, —
Ни все места, где пена счастья
пиря, —
Ни Рим, где слава дией еще живя,
Ни имена, чей самый звук — угада,
Тель Мексики, и Дамаска, и Багдада, —
Мне не поют заветные слова,
И мне в Париже ничего не надо.
Одно лишь слово нужно мне:
Париж
15 октября 1920.

Федор Сологуб

■

На опрокинутый кушши
Глядел вернувшийся из раз.
В пустыне — только миг один,
А там века текли, старая.
Ушедшие от нас живут,
Расторгнувши оковы глени, —
Мы бергю стезей минут
Скользим, не покидая пени.
Очерозания времен
Расторгнуть все еще не можем,
Наш дух в темницу заключен,
И медленно мы силы множим.
Давно ли темная Казань
Была приотом вдохновения,
И колдбал Эвклида грань
Наш Лобачевский, светлый геники!
Завеса вновь приподнята
Орлиным замыслом Экшттейки,
* Так в оригинале.

Но все еще крепка пиита
Четырехмерного басейки.

Необратимы времена
Еще коснеющему телу,
И нам свобода не дана
К иному их стремить пределу.

Наш темный глаз печально спит,
И только близость нам знакома,
Наш мир широкий — только склеп
В подвале творческого дома.

Но мы предчувствуем живем,
Не лгут порывы и усилья,
Настанет срок — и обречем
Несущие к свободе крылья.
19 февраля 1923.

Михаил Кузмин

Переселенцы

Чужое солнце за чужим бономом
Неистово садится на насест,
А завтра вновь самодержавие
встанет,
Не наказуя, не благоволя.
Как ваши руки, Молли, погрубели,
Как опустится ваш веселый Дик,
Что так забавно толковал о боксе.
Когда вы ехали на пакетеботе.
Скорей в бараки Дыханье малярки
С сиреневыми сумерками взодит
По свингерельству М. Кузмина, это сти-
хотворение, говорящее о первых перево-
дках из Англии в США, было навеено
некоторыми страницами романа Ч. Дик-
кенса «Мартин Чезлвита».

В законопаченные плохо стечи,
Контити экономическая лампа.

И бабушкина Библия раскрыта,
Как ваши руки, Молли, похудели,
Как выветрилась ваша красота,
А ждете вы четвертого ребенка.

Те трое — худосочны, малокровны,
Обречены костями осушать
К жилью неприкосновенную
местность.

О боже, боже, боже, боже, боже,
К чему нам просыпаться, если завтра
Увидим те же кочны и дорогу.

Где палка с надписью:
«Проститек победь,
Лавочку и кабак на перекрестке,
Да огороженную лужу — Капитолий».

А дети вырастут как свинопасы:
Разучатся читать, писать, молиться,
Скрутую землю будут ковырять
Да приговаривать, что время —
деньги.

Бессмысленно толпиться в Пантеоне,
Тесовый мрамор жвачкой заплотев,
Выдумывать машинный для сапор,
Плодить детей и туло умирать,
Почти не создавая скучной славы
Облачного слова «пионера».

Проспите лучше, Молли,
до полудня, —
Быть может, вам приснится
берет Темзы
И знаменем увитой родимый дом,
1920-е годы.

Вячеслав Иванов

Из «Рыскаго

дневника»

«У лукоморья дуб зеленый...»
Он над пучиномо соленой
Пещом посажен при луке,
Растет в молье усоренный,
Укорененный в языке.

И небылица быльио станет,
Колы певец ее помянет,
Коль имя ей умел наречь,
Отступит море, — дуб не
Пока жила родная речь.
Рим
27 января 1944

Н. Гумилев

Из «Афисинских

несен»

Невольничья

По утрам просыпаются ттвци,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шара европеед,
Размахивая длинными бичом.
Он садится под тенью пальмы,
Обаврнув лицо зеленой вуалью,
Стаит рядом с собою бутылку виски
И хещет пенящихся разбоз.
Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулоп,
А вечером есть солонину,
Которая испорчилась днем.

Слава нашему тозичну европейчу:
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!

Слава нашему тозичну европейчу,
Он храбр, но он недогадлива:
У него такое нежное тело, —
Его сладко будет проколоть ножом!
1911

Владислав Ходасевич

Живи борі Учен, а не заумен,
Брожу средь своих стихов,
Как непоблжливый игумен
Среди смиренных чернецов.
Пасу послушное стадо
Я процветающим жезлом,
Ключи таинственного сада
Звенят на посохе моем.
Я — чающий и говорящий,
Заумно, может быть, поет
Лишь анген, богу предстоющий, —
Да бог не узревший скот
Мычит заумно и ревет,
А я — не анген окляниный,
Не лютый змики, не глухой бжж,
Люблю из рода в род мне даннйя
Мой чеповеческий закон:
Его стуровую свободу.
Его извилистый закон...
О, если б мой предсертный сточ
Облепч в отчетлиую дау!
Берлин
13 мая 1923

Публикацию подготовил
составитель сборника
В. Н. ОРЛОВ

Литер. запись № 12, 22. III. 1967г.